

Андрей Платонов

Житейское дело

ФТМ

Андрей Платонов
Житейское дело

«ФТМ»

1946

Платонов А. П.

Житейское дело / А. П. Платонов — «ФТМ», 1946

«Шла ночь в деревенской избе. Темно и тихо было за окном, лишь голая ветвь вербы изредка еле слышно постукивала в окно, склоняясь от слабого ветра. Верба зябла в прохладной сырости весенней ночи и словно просилась к людям, в теплую избу. А изба была нетопленная, в избе на печи лежала без сна хозяйка Евдокия Гавриловна Захарова; она прихварывала уже который день, она грустила по мужу, убитому на войне, и ей сейчас не спалось. Она лежала и не могла согреться под овчинным полушубком, а рядом с ней под отцовской овчиной спали ее дети...»

© Платонов А. П., 1946

© ФТМ, 1946

Андрей Платонов

Житейское дело

(Следом за сердцем)

Шла ночь в деревенской избе. Темно и тихо было за окном, лишь голая ветвь вербы изредка еле слышно постукивала в окно, склоняясь от слабого ветра. Вербя зябла в прохладной сырости весенней ночи и словно просилась к людям, в теплую избу. А изба была нетопленная, в избе на печи лежала без сна хозяйка Евдокия Гавриловна Захарова; она прихварывала уже который день, она грустила по мужу, убитому на войне, и ей сейчас не спалось. Она лежала и не могла согреться под овчинным полушубком, а рядом с ней под отцовской овчиной спали ее дети; их было у нее трое, и все девочки: Марья, Ксения и Груша; старшей, Марье, было девять лет от роду, а Ксения и Груша были двоешки, по восьми лет каждой; мать время от времени укрывала их, потому что девочки спали беспокойно, они ногами сбрасывали с себя одежду и скрипели зубами. «Должно, глисты у них, – подумала мать, – надо им тыквенного семени дать».

Евдокия Гавриловна приподнялась и снова укрыла своих детей. Они дышали чистым теплом, знакомый запах молока и плоти исходил от них, и сердце матери тронулось тревожной любовью. Дети рождаются, растут, уходят затем из родительского дома в свою большую жизнь, но неподвижно сердце матери: оно одинаково любит свое дитя, одинаково оно прекрасно для нее во все времена его жизни, и мать всегда встревожена за него.

«Что с ними сбудется, что с ними станет? – думала Евдокия Гавриловна. – Вот будут они жить и расти, а отца своего никогда не узнают. А без отца, как и без матери, душа ребенка живет полуголодная. Что ж я одна им?»

Ночь продолжалась. Мать стала думать об озимых полях, о том, сколько снега было в зиму, сколько его сошло талой водой, сколько пропиталось в почву, о весенней погоде, о семенах в колхозе, о том, не потревожит ли какой новый враг нашу страну, – люди разное говорят, и газеты пишут, – обо всем мире думала Евдокия Гавриловна, потому что посреди мира жили ее малые, беззащитные дети и для них нужно, чтобы светило солнце, чтобы на земле рождался хлеб, а все человечество жило в спокойствии.

Она вспомнила о муже: что с ним случилось теперь, где его могила? – хоть бы кости его поглядеть, ведь и кости его дороги ей, как был дорог он весь!

Вербя снова заскреблась в окно, и кто-то другой, одновременно с вербой, постучал в окно так же негромко и застенчиво, как верба.

Евдокия Гавриловна отворила избу ипустила человека.

– Кто будешь-то? Чего ходишь так поздно, иль беда какая?

Человек снял шапку-ушанку, оправил усы и ответил:

– Беда, хозяйка... дело у меня неотложное, я и во тьме иду.

Евдокия Гавриловна засветила лампу и подняла ее, чтобы поглядеть на гостя. Перед нею был нестарый еще, моложавый мужик, лет, может быть, тридцати или немногим старше; большие серые глаза его смотрели на хозяйку неподвижно и словно бы равнодушно, а вернее того, своя боль томила этого человека, и ему все равно было – что он видит перед собой. Одет он был в старую солдатскую шинель, но уже без погон, а за спиной его висел вещевой мешок; должно, из армии демобилизовался человек. Хотела было Евдокия Гавриловна спросить у прохожего, какая случилась беда у него, однако нехорошо праздно касаться чужой души, и она не спросила.

– Небось кушать хочешь! – сказала она. – Садись, я тебе поужинать дам.

– Спасибо, хозяйка. Время позднее, начнешь ты хлопотать, в печке греметь, детишек разбудишь!

- Проснутся, опять заснут. Из того тебе не голодать.
- Твоя воля, – сказал гость.

Он уселся на скамье и огляделся в избе. Перед ним ходила женщина и собирала на стол еду; в ее тихом лице, в худощавом теле, привыкшем к работе, было дальнейшее сходство с женой прохожего, умершей накануне войны. Может быть, жена была помоложе, однако и хозяйке едва ли минуло тридцать лет. А жена прохожего была столь хороша собою – и лицом с кротким, доверчивым выражением, и постоянным своим смущением, даже перед мужем, и напряженным вниманием больших, словно испуганных глаз, ожидающих увидеть чудо в каждом человеке, – что он, видя ее ежедневно, все же не мог привыкнуть к ней и часто любовался ею, будто не зная ее. К прелести человека, должно быть, нельзя привыкнуть. В хозяйке тоже было что-то напомнившее прохожему об его умершей жене, только здешняя женщина была все же поглубже и лицом и нравом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.